

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-4-5

УДК 94(47).083

Дмитрий Владимирович Аронов
Доктор исторических наук, профессор
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
Орел, Россия
aronovdv@mail.ru

Пост Президента в либеральных проектах государственного устройства Российской демократической республики начала XX века

Аннотация. В настоящей статье исследуются место и роль института Президента в либеральном законодательстве начала XX в., рассматриваются результаты компаративистского исследования по данной проблематике текстов либеральных проектов Основного закона России начала XX в. и законодательства Особой комиссии Юридического совещания при Временном правительстве. Автор делает вывод о том, что либеральные проекты введения и функционирования института Временного Президента оказали весьма незначительное влияние на официальное законодательство в 1917 г. Тем не менее, они выступают исключительно важным источником для характеристики либерального законодательства эпохи системного социально-политического кризиса. По мнению автора, проект введения в России поста Временного Президента подтверждает общий вывод о том, что либеральные, основанные на верховенстве правовых способов преобразования общественной жизни, рецепты преодоления системных кризисов не работают. В революционное время выбор социума тяготеет к иным, предлагающим простые решения, понятные широким массам, способам реформирования социальной действительности, рецептам выхода из социальных кризисов.

Ключевые слова: либеральное законодательство, либеральные проекты Основного закона, пост президента, законодательство Временного правительства

Введение

Великая российская революция 1917 года вызвала кардинальные изменения в социально-политическом строе бывшей Российской империи. Вопрос о типе государственной власти, широко обсуждавшийся в либеральной общественно-политической мысли, перешел из области теоретического поиска в сферу прак-

тической политики. Данная проблематика, к сожалению, не относится к популярным сюжетам историографии революции 1917 г., причем это свойственно как отечественной, так и зарубежной исследовательской традиции. Российская историография основное внимание обращала на проблемы формирования правового государства¹, предлагавшиеся различными политическими силами модели общественного переустройства России², относя правовые сюжеты на второй план. Для зарубежной историографии вообще свойственен небольшой интерес к процессам конституирования новой российской государственности.³ Соответственно, проблема остается неизученной в исследовательском поле современной как исторической, так и историко-правовой науки.

Основная часть

Идея введения в России поста президента появилась отнюдь не в 1917 г., когда либеральная юридическая мысль и политическая практика перешли к этапу воплощения своих теоретических построений, в т.ч. и в области государственного строительства. Еще в период 1908–1911 гг., который в отечественной историографии традиционно относят ко времени фактического отказа исторической власти от политики реформ, идеи о том, что новую демократическую Россию может возглавить президент, имели известное распространение в либеральной среде. Так, в период своего возвращения к политической активности Председатель Первой Государственной Думы С.А. Муромцев, встречаясь с коллегами по депутатской деятельности и по партийной работе, постоянно затрагивал тему о возможности своего возвращения в политику. Весьма любопытные воспоминания об этих встречах оставил Ф.А. Головин. Во время одного из частных разговоров с С.А. Муромцевым, который состоялся незадолго до

¹ См.: Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX вв. М., 2010; Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001; Жуков В.Н. Русская философия права: Естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001; Корнев В.Н. Либеральная концепция государства и права в России начала XX века (1905 – 1917 годы). Белгород, 2001 и др.

² См.: Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Мамитова Н.В. Либеральные концепции конституционного государства в России (конец XIX – XX веков). М., 2001 и др.

³ См.: Power and Legitimacy – Challengers from Russia. L.; N.Y., 2012; Butler W. Russian Law. London; Oxford, 2009; Late Imperial Russia: Problems and Prospects. N.Y., 2005; The Russian Revolution and the Soviet State. 1917–1921. Documents. Selected and Edited by Mc Cauley. L., 1975; The Russian Provisional Government. 1917. Documents. Selected and edited by R.P. Browder and A.F. Kerensky. Stanford Univ. Press. Stanford, California, 1961. Vol. I–III; The Rise and Fall of Soviet Union. A Selected Bibliography of Sources in English. L., 1992.

его смерти, он предложил ему поддержать своим авторитетом одну из политических группировок, находившихся на тот момент в стадии формирования. По его словам, С.А. Муромцев ответил ему, что «он решил уклониться от непосредственного участия в какой-либо политической группе»⁴. Далее он дал понять, что это связано с его надеждами «на новое революционное движение, на возможность образования республики и на занятие им в таком случае места президента республики»⁵.

Вообще, термин «президент» достаточно широко употреблялся в юридической терминологии России применительно к тем постам в иерархии государственного управления, где его использование показывало их первенствующий характер по сравнению с иными. Не входя в подробный анализ данной проблематики, позволим себе ограничиться примером из еще студенческих полушутливых, полусерьезных конституционных штудий того же С.А. Муромцева. В студенческие годы им, совместно с Н.В. Муравьевым, была написана пьеса для студенческого театра, называвшаяся «Через 30 лет». В число ее действующих лиц входили Н.В. Муравьев – министр-президент России и С.А. Муромцев – президент русского парламента⁶. В реальной жизни занимаемые ими должности в системе государственного управления России будут называться иначе, но это несколько иной, хотя и весьма любопытный сюжет.

Пост именно министра-президента (по сути, премьер-министра) мы встречаем в «освобожденческом» («Парижском») либеральном проекте Основного закона России,⁷ подготовленного т.н. «освобожденческой» группой юристов (Н.Ф. Аненский, И.В. и В.М. Гессены, П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, И.И. Петрункевич, Г.И. Шрейдер). Использовался термин «президент» в данном проекте и в отношении должностных лиц, возглавляющих парламент. Так, в статье 50 речь шла о том, что каждая из палат двухпалатного парламента «избирает закрытой подачей голосов своего президента, вице-президента и секретарей». Статья 63, посвященная организации судебной власти, предусматривала, что «в случае привлечения министра к ответственности одной или обеими палатами, он судится особым судом, состоящим под председательством президента верховного суда, из членов оногo суда и представителей высшего кассационного суда Империи». Таким образом, в «освобожденческом» проекте термин «президент» употребляется для обозначения превалирования какой-либо должности в действующей иерархии, но не обозначает высшее лицо государст-

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1625. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

⁵ РГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 3. Л. 28; Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 182.

⁶ Школа и жизнь. 1910. 8 нояб.

⁷ «Право» еженедельная юридическая газета. СПб., 1905. № 21. 29 мая. Стб. 1735–1746.

ва. Аналогичные положения содержит и проект Основного закона, подготовленный Харьковским юридическим обществом на базе текста «освободительного» проекта.⁸

В иных либеральных проектах Основного закона России начала XX в. институт президентства как высшего должностного лица также отсутствует, не содержат они данного термина даже применительно к иным властным структурам. Причины здесь, конечно, разные. Так, «муромцевский» проект составлялся с расчетом возможной инкорпорации в имперское законодательство и по языку, и по терминологии был максимально приближен к нему, о чем на одном из земских съездов говорил сам С.А. Муромцев. Выступая в прениях по проекту Основного закона на Общероссийском съезде земских и городских деятелей в июле 1904 г. он отметил, что его авторы «старались держаться языка нашего законодательства, конечно, не прибегая к утрированию»⁹.

Екатеринославский проект в целом весьма фрагментарен, равно как и «гучковский».¹⁰ Что же касается «герценштейновского» проекта (проекта Московской городской думы), то в нем авторы не разрабатывали проблематику устройства исполнительной власти, ограничившись весьма кратким разделом, посвященным власти законодательной. Главным же отличием этого проекта от других является проработка экономических вопросов и проблематики местного самоуправления¹¹. Нет института президента и в программе конституционно-демократической партии, которая, в силу известных разногласий по вопросу о будущем государственном устройстве России, содержала формулировку о том, что «Конституционное устройство Российского государства определяется Основным законом». На II съезде партии пункт о государственном устройстве под влиянием местных комитетов партии был сформулирован более четко: «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией». Это положение оставалось неизменным до марта 1917 г., когда на VII съезде конституционно-демократической партии была принята формулировка о введении в России демократической республики. Аналогичная ситуация существовала по вопросам

⁸ Более подробно см.: *Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В.* Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества – место и роль в либеральном конституционном законодательстве начала XX века // *История государства и права.* 2017. № 1. С. 60–64.

⁹ Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 275.

¹⁰ См.: *Аронов Д.В.* «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение» – из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // *История государства и права.* 2014. № 24. С. 49–53.

¹¹ См.: *Аронов Д.В.* Реформа местного самоуправления в либеральных проектах Основного закона России начала XX века: опыт сравнительного изучения // *История государства и права.* 2014. № 12. С. 41–46.

об избирательных правах женщин и структуре парламента. Собственно институт президентства уже предполагает отказ от монархии, что, соответственно, не было в тот момент программным требованием кадетов. Исходя из указанных обстоятельств, можно говорить о том, что позиция С.А. Муромцева в изложении Ф.А. Головина выглядит более чем отличной от общих тенденций, присущих тогдашней либеральной политико-правовой практике.

Год 1917 был крайне сложным для всех политических сил в России, однако общим было то, что все они действовали в рамках складывавшегося правового поля, которое во многом было результатом их государственного творчества. Историческая власть была персонифицирована в императорской фамилии, а важнейшими актами в данной сфере справедливо считаются те, которые связаны с отказом от российского престола. Политические силы, пришедшие к власти в октябре 1917 г., некоторое время формально сохраняли институт Учредительного собрания, созыв и выборы депутатов которого прошли уже после событий октября. При этом практически кардинально было обнулено правовое поле страны, началось формирование новой регулятивной системы, в основе которой лежали кардинально отличные правовые идеи и принципы.

Если же мы говорим о деятельности в данной сфере Временного правительства и политических сил, представители которых по преимуществу были рекрутированы в его состав, выполняли роль экспертов и т.п., то они в той или иной степени были ограничены базовыми либеральными принципами, ставившими во главу угла прежде всего нормативно-правовое регулирование. Значительное влияние на практику трансформации либеральных идей, нашедших выражение в партийной программатике, оказывали и реалии текущей политической ситуации. Как мы отмечали выше, партийные формулировки типа государственного устройства России, новой политической системы были весьма серьезно скорректированы. Не обошлось здесь и без влияния личных политических амбиций. В интересующей нас сфере можно говорить о президентских амбициях М.В. Родзянко постфевральского периода. Зеркально менялись политические позиции и радикальных политиков. В этом отношении весьма ярким примером была переориентация крайне правых, выступавших порою с заявлениями о приветствии и поддержке демократической республики в России. Так, В.М. Пуришкевич звал «лучших русских людей» «поднимать выше священное знамя гражданской свободы, свободы западного образца».¹²

На практике Временное Правительство в складывающейся ситуации полагало целесообразным проводить последовательную политику в области разви-

¹² Пуришкевич «Мы произвели этот переворот» / «Могильщики Русского царства» 100-летие революции 1917 года. URL: http://ruskline.ru/history/2016/04/05/my_proizveli_etot_perevorot/ (Дата обращения: 12.09.2017)

тия конституционного законодательства. В сентябре – октябре 1917 г. получила организационное оформление процедура подготовки проекта Основных законов России. Была создана Особая комиссия в рамках активно работавшего Юридического совещания. В ее состав входили многие известные общественные и политические деятели, звезды отечественной юриспруденции: А.А. Боголепов, Н.И. Лазаревский, В.Ф. Дерюжинский, В.М. Гессен, А.И. Ивановский, А.Э. и Б.Э. Нольде, Э.Э. Понтович, относившиеся в основном к конституционно-демократической партии.

За весьма короткий период своей работы комиссия разработала ряд проектов, среди которых были материалы: «Тезисы по вопросу о верхней палате», «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании», «Статьи Основных законов по вопросу об автономии»¹³. Принципиально важным для понимания позиции либеральных политических сил по вопросу о будущем государственно-политическом устройстве страны в условиях системного социально-политического кризиса был проект «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании».

В соответствии с текстом его первой статьи, «осуществление исполнительной власти должно быть возложено на временного Президента Российской республики». В последующем судьбу этого института государственной власти должно было решать Учредительное Собрание, которому предполагалось дать право его переизбрания на срок до 1 года (ст. 4).

Указанные нормы создавали правовой механизм передачи власти Учредительному Собранию от Временного Правительства. Они также открывали возможность к переизбранию министру-председателю Временного Правительства уже в новой структуре государственной власти, где он мог занять вводимый в Основной закон пост Президента Российской республики. Эта схема, по мнению представителей либеральной юриспруденции в Особой комиссии, обеспечивала преемственность в управлении Россией, давала необходимую устойчивость и силу исполнительной власти, гарантии дальнейшему развитию системным конституционным преобразованиям.

Проект подробно прописывал полномочия и условия функционирования института Президента. Специфика состояла в их исполнении в качестве Временного Президента и, как было сказано в тексте проекта, «под надзором Учредительного Собрания и при содействии Совета Министров, пользующихся доверием Собрания» (ст. 2). Для анализа позиции либеральной юриспруденции значима совокупность прав Временного Президента Российской республики.

¹³ Боброва Г.С. Становление российского конституционализма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 52.

Он наделялся «правом законодательной инициативы» (ст. 5), «законопроекты вносятся на рассмотрение Учредительного Собрания Советом Министров» (ст. 5) от имени Президента, наблюдал «за исполнением законов и делал распоряжения для сего необходимые» (ст. 8). Президент наделялся правом издавать указы «об устройстве, составе и порядке действий представительных учреждений, за исключением судебного ведомства, испрашивая необходимые кредиты у Учредительного Собрания» (ст. 9). Он также разрешал «все дела управления» (ст. 10), руководил внешней политикой, вооруженными силами (в качестве верховного главнокомандующего ему принадлежало «верховное начальствование над всеми вооруженными силами» (ст. 11–12)).

Анализ текста законопроекта позволяет предположить, что при разработке проекта статуса Временного Президента за основу были взяты либеральные проекты Основного закона страны начала XX в. Эта тенденция присутствует в статьях, дававших Временному Президенту право назначать и отстранять от должности лиц, замещавших основные посты в структуре госуправления. В первую очередь, речь идет о таких должностях, как Председатель Совета Министров и министры. В этот перечень также входят и те должностные лица «гражданского и военного ведомств, кои на основании действующих узаконений назначаются и увольняются верховной властью» (ст. 13). Временному Президенту также делегировалось право председательствовать на заседаниях Совета Министров. В его отсутствие эту функцию выполнял Председатель Совета Министров (ст. 17). Аналогично монарху в либеральных проектах Основного закона России начала прошлого века¹⁴ Президент Российской республики защищался от внешнего воздействия рядом специальных правовых институтов. К нему не могли быть обращены обязательные запросы от действующих депутатов Учредительного Собрания, а статьи, предусматривавшие его ответственность перед Учредительным Собранием, имели общий и лишенный конкретики характер и весьма неточные формулировки. По сути, речь в них шла о возможности получения Учредительным собранием устных или письменных объяснений от Временного Президента (ст. 6). Реальная ответственность за результаты управленческих действий в проекте возлагалась на Председателя Совета министров и отраслевых министров (ст. 19). Они же отвечали перед Учредительным Собранием «за скрепленные Президентом указы и распоряжения»¹⁵. По сути, это адаптация института контрассигнатуры, неоднократно упоминавшегося и

¹⁴ *Аронов Д.В.* Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Муромцевские чтения: Сб. науч. ст. Орел, 2014. С. 122–130.

¹⁵ *Левчук С.В.* Конституционные проекты Временного правительства России в межреволюционный период 1917 года // Право и жизнь. 1996. № 10. С. 155–156.

подробно проработанного в 1904–1906 гг. в либеральных конституционных проектах¹⁶.

Анализ текста законопроекта позволяет сделать вывод о том, что Временный Президент Российской республики *de facto* получал статус весьма близкий к диктаторскому (нечто вроде сущности, описываемой понятием «демократическая диктатура», некий аналог которой можно искать в определенных типах тираний полисной античной Греции), который сосредотачивал в своих руках высшую государственную власть при отсутствии *de facto* реальной ответственности. Правовой статус главы государства как центра системы государственной власти в перспективе мог трансформироваться и в режим военной диктатуры.

Полагаем, что рассматриваемые отдельными исследователями варианты реставрации монархии в России носят, скорее, умозрительный характер, так как основаны на известной легистской традиции. Аналогично можно говорить и о мнении, что этот сценарий вписывался в видение типологии государства кадетами,¹⁷ хотя известная эволюция от мнения о целесообразности сохранения конституционной монархии в первые дни революции, до трансформации в решение VII съезда о внесении в программу положения о демократической республике, несомненно, присутствует. Но это типичный ход развития событий в условиях революционного разрыва постепенности, когда происходит постоянный поиск снятия своего рода, когнитивного диссонанса между ощущением справедливости (если угодно, извечного российского «поиска правды») и существующим правовым порядком. О наличии данного диссонанса и его угрозе для социального строя, а тем более для государственного строя неоднократно писали представители отечественной юриспруденции и, в частности, С.А. Муромцев в работе «Право и справедливость», ставшей для него теоретической основой поиска модели (механизма) снятия данного противоречия.¹⁸

После краха монархической формы правления в 1917 г. вопрос о типологии российской государственности был вынесен на обсуждение VII съезда кадетской партии. Идеолог кадетов – известный либеральный юрист Ф.Ф. Кокошкин – выступил активным сторонником тезиса о включении в программу кадетов пункта о демократической республике как форме правления. «Республика в наших глазах не может не быть самой совершенной формой правления, ибо, – говорил он, выступая на съезде, – это такая форма правления, при которой наш де-

¹⁶ См.: Аронов Д.В. Статус монарха в либеральных проектах Основного закона России начала XX века // История государства и права. 2013. № 3. С. 14–17.

¹⁷ Боброва Г.С. Указ. соч. С. 54.

¹⁸ См.: Аронов Д.В. Право и справедливость в творческом наследии Сергея Андреевича Муромцева. Реформа или революция // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 9–13.

мократический принцип: господство воли народа – осуществляется в самом полном и чистом виде»¹⁹. Для реализация положений о действительном господстве демократических принципов, полагал Ф.Ф. Кокошкин, «в республике должно быть проведено разделение власти», законодательная власть должна была «целиком принадлежать представительному собранию»²⁰. Аргументы Ф.Ф. Кокошкина, восприятие общей политической ситуации в России дали единогласный результат голосования 323 делегатов по вопросу об изменении п. 13 (о государственном устройстве России) партийной программы кадетов. Новая редакция звучала следующим образом: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой»²¹. Соответственно, тезис об имманентной приверженности кадетов к реставрации монархии как минимум нуждается в весьма серьезной аргументации. Собственно, после отречения Николая II и Михаила Александровича теоретическая возможность реставрации сохранялась, однако этот вариант, проанализированный либеральной юриспруденцией, зависел от позиции Учредительного собрания²². Восстановление монархии в теории могло реализоваться и в варианте приглашения на трон как династии Романовых, так и иной династии. Именно восстановление династии Романовых было невозможно по целому ряду юридических оснований, отсутствие института регентства и т.д.

Заключение

Таким образом, рассмотренные нами либеральные проекты введения и функционирования института Временного Президента оказали влияние на официальное законотворчество 1917 г. в еще меньшей степени, чем либеральные проекты Основного закона 1904–1906 гг. на имперское законодательство 1905–1907 гг., хотя и там влияние было, строго говоря, исчезающе малым²³. Вместе с тем они выступают исключительно важным источником для характеристики либерального законотворчества эпохи системного социально-политического кризиса. С этих позиций можно говорить о том, что проект введения в России поста Временного Президента подтверждает общий вывод о том, что либеральные, основанные на верховенстве правовых способов преобразования общественной жизни рецепты преодоления системных кризисов не работают. В это время выбор социума тяготеет к иным, предлагающим простые, понятные широким массам

¹⁹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 373.

²⁰ Там же. С. 377.

²¹ Там же. С. 400.

²² См.: *Аронов Д.В., Кошелева С.В.* Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г. // *История государства и права.* 2017. № 19. С. 13–17.

²³ *Аронов Д.В.* От Лазавки до Таврического дворца. Сергей Андреевич Муромцев – политик, ученый, педагог. Орел, 2010. С. 158–161.

способам реформирования социальной действительности, рецептам выхода из социальных кризисов.

Перспективным направлением исследований в данном случае будут работы компаративистского характера, дающие возможность выявить и проследить степень взаимосвязи и взаимовлияния либерального законотворчества начала XX в., модели либерального преобразования страны и деятельности органов Временного правительства, а также с теоретическим наследием либеральной юриспруденции второй половины XIX – начала XX вв., а в определенной мере и эмигрантского периода, которое оставил нам российский либерализм.

Список литературы

1. Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 648 с.
2. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1. 831 с.
3. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. 511 с.
4. *Аронов Д.В.* «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение» – из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // История государства и права. 2014. № 24. С. 49–53.
5. *Аронов Д.В.* От Лазавки до Таврического дворца. Сергей Андреевич Муромцев – политик, ученый, педагог. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2010. 300 с.
6. *Аронов Д.В.* Право и справедливость в творческом наследии Сергея Андреевича Муромцева. Реформа или революция // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 9–13.
7. *Аронов Д.В.* Реформа местного самоуправления в либеральных проектах Основного закона России начала XX века: опыт сравнительного изучения // История государства и права. 2014. № 12. С. 41–46.
8. *Аронов Д.В.* Статус монарха в либеральных проектах Основного закона России начала XX века // История государства и права. 2013. № 3. С. 14–17.
9. *Аронов Д.В., Кошелева С.В.* Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13–17.
10. *Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В.* Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества – место и роль в либеральном конституционном законотворчестве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 60–64.
11. *Боброва Г.С.* Становление российского конституционализма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 178 с.
12. *Глушкова С.И.* Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 466 с.
13. *Жуков В.Н.* Русская философия права: Естественно-правовая школа первой половины XX века. М.: Российское гуманистическое общество, 2001. 237 с.
14. *Корнев В.Н.* Либеральная концепция государства и права в России начала XX века (1905–1917 годы). Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2001. 160 с.

15. *Левчук С.В.* Конституционные проекты Временного правительства России в межреволюционный период 1917 года // *Право и жизнь*. 1996. № 10. С. 155–156.
16. *Мамитова Н.В.* Либеральные концепции конституционного государства в России (конец XIX – XX веков). М.: Изд-во МГУК, 2001. 128 с.
17. *Медушевский А.Н.* Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX – начала XX вв. М.: Новый хронограф, 2010. 488 с.
18. Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2004. 608 с.
19. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.
20. *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М.: РОСПЭН, 1996. 280 с.
21. *Butler W.* Russian Law. London; Oxford, 2009. 986 p.
22. Late Imperial Russia: Problems and Prospects. N.Y., 2005. 224 p.
23. Power and Legitimacy – Challengers from Russia. L.; N.Y., 2012. 256 p.
24. The Rise and Fall of Soviet Union. A Selected Bibliography of Sources in English. L., 1992. 448 p.
25. The Russian Provisional Government. 1917. Documents. Selected and edited by R.P. Browder and A.F. Kerensky. Stanford Univ. Press. Stanford, California, 1961. Vol. I–III.
26. The Russian Revolution and the Soviet State. 1917–1921. Documents. Selected and Edited by Mc Cauley. L., 1975. 317 p.